

Е.Ю. КОВАЛЬКОВА,*кандидат юридических наук, доцент**Институт экономики, управления и права (г. Казань)*

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблеме развития гражданского законодательства в РФ. Речь идет о необходимости активной и целенаправленной политики государства в отношении развития гражданского оборота, посредством создания эффективного механизма правового регулирования. Обозначаются основные направления планируемого развития гражданского законодательства. Отмечается, что развитие гражданского законодательства состоит не в увеличении количества законов, а в изменении их качества, указывается, что следующим шагом после модернизации ГК РФ планируется внесение изменений в ряд федеральных законов, в том числе путем преобразования правовых институтов и отдельных отраслей законодательства. Особое внимание уделяется институтам преддоговорной ответственности и ценным бумагам. Изменения в российское законодательство предполагаются в течение 2011–2012 гг.

В последнее время большое значение приобретают общетеоретические проблемы, связанные с определением основных направлений развития гражданского законодательства в условиях рыночной экономики [1; 2; 3; 4; 5]. Так, в литературе обоснованно обращается внимание на корреляцию роли государства с соответствующим законодательством в обеспечении развития экономики и повышения жизненного уровня [6]. При этом имеется в виду не рост числа принимаемых нормативных актов, а повышение их качества и эффективности воздействия на происходящие процессы в России, с учетом судебной практики и международного опыта правового регулирования.

Необходимо отметить, что развитие гражданского законодательства «не предполагает ни новую кодификацию отечественного гражданского законодательства, ни даже подготовку новой редакции ГК», многие положения которого «нуждаются в дополнениях и детализации, отсутствие которых не может быть восполнено судебным толкованием» [7].

Основная роль в совершенствовании гражданского законодательства отводится модернизации Гражданского кодекса, прежде всего, его первой части как закона, определяющего предмет и принципы гражданского права и устанавливающего общие и наиболее важные правила гражданско-правового регулирования.

Предваряя обозначенный анализ, нужно осмыслить сам термин «модернизация». Под ним

понимается введение усовершенствований, отвечающих современным требованиям [8, с. 348]; изменение, повышение нагрузки и (или) других новых качеств [9]; использование современных прогрессивных достижений, создание единой автоматизированной информационно-коммуникационной системы, обеспечение эффективного взаимодействия, изменение инфраструктуры [10, с. 53–65; 11, с. 11–13] и др.

В этом плане модернизация имеет в своей основе ряд объективно обусловленных, повсеместно проявляющихся относительно единообразных предпосылок, среди которых следует выделить: *экономические* – формирование и развитие в большей части мира постиндустриального общества; *информационные* – реальность перспективы перехода человечества в информационную эпоху; *социально-политические*, связанные с геополитическими изменениями. Представляется справедливым утверждение о том, что правовые факторы модернизации проявляются, в первую очередь, во все более усиливающейся тенденции сближения англосаксонской и европейско-континентальной правовых систем, их конвергенции, проникновения в нашу национальную правовую систему (как и в континентальную систему права в целом) прецедентных начал [12].

Как уже отмечалось, развитие гражданского законодательства состоит не в увеличении количества законов, а в изменении их качества, а это значит, что следующим шагом после модерни-

зации ГК РФ планируется внесение изменений в ряд федеральных законов, в том числе путем преобразования правовых институтов и отдельных отраслей законодательства.

Приведение в соответствие с Концепцией и с вытекающими из нее изменениями ГК обширного массива российского законодательства предполагается проделать в течение 2011–2012 гг. Отметим основные направления планируемого развития гражданского законодательства.

1. *Изменения системного характера.* Во-первых, в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством и определяющих его предмет, предлагается включить корпоративные отношения (ст. 2 ГК). Во-вторых, планируется создание в ГК комплекса взаимосвязанных институтов вещного права, в основе которого право собственности, а также объединение общими нормами развернутой системы вещного права.

2. *Расширение мер и средств, обеспечивающих добросовестное и надлежащее осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей.* С этой целью предлагается: 1) законодательное закрепление принципа добросовестности; 2) конкретизацию лишаемых правовой защиты «иных форм злоупотребления правом»; 3) введение в ГК института преддоговорной ответственности по принципу *culpa in contrahendo*; 4) существенная модификация многих норм о недействительности сделок и др.

3. *Усиление и повышение эффективности гражданско-правовой ответственности.* Для достижения поставленной цели предложены следующие меры: 1) введение солидарной ответственности лиц, составляющих орган юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК); 2) возможность «снятия корпоративных покровов» по ст. 56 ГК независимо от наступления несостоятельности юридического лица; 3) установление ответственности юридического лица за несвоевременную и ненадлежащую актуализацию данных в Едином реестре юридических лиц; 4) значительное усиление ответственности банков за ненадлежащее осуществление расчетов; 5) ответственность без вины за передачу поддельной ценной бумаги и др.

4. *Усиление компенсаторной функции гражданского законодательства.* С этой целью предусмотрено введение общих правил об исчислении и возмещении «абстрактных убытков», о случаях

и условиях компенсации правомерно причиненных убытков и др.

5. *Восполнение обнаружившихся пробелов гражданского законодательства.* Предусматривается: 1) введение ряда новых для действующего законодательства вещных прав в раздел II ГК; 2) пополнение ГК правилами о публичных акционерных обществах; 3) дополнение нормами о возможности и последствиях оспаривания незаконной реорганизации юридических лиц; 4) дополнение системой норм о бездокументарных ценных бумагах; 5) пополнение ГК правилами о залоге прав по договору банковского счета и вклада, о «металлических счетах» и договоре вклада драгоценных металлов и т.д.

6. *Создание в ГК новых общих правил* либо придание более широкой сферы действия нормам, уже установленным ранее в ГК для отдельных видов отношений: 1) вещное право; 2) государственная регистрация имущественных прав; 3) ценные бумаги и их обращение; 4) юридические лица; 5) ипотека; 6) «абстрактные» убытки, действующие пока лишь для отношений по поставке, и многие другие специальные правила гражданских законов.

7. *Унификация норм общей части обязательственного права* предполагается на основе анализа обширнейшей практики применения соответствующих норм арбитражными судами либо заимствования удачных решений, найденных при кодификации принципов договорного права в рамках УНИДРУА, в Европейском Союзе.

8. *Достижение баланса соотношения частных и публичных элементов в гражданском праве.* В ряде случаев предлагается отказаться от публичных элементов регулирования в пользу частноправовых подходов:

1) отказ от санкции конфискационного характера, содержащейся в статье 179 ГК, и об ограничении сферы применения аналогичной санкции для противонаправственных сделок (ст. 169 ГК); 2) отказ от правил, допускающих соглашение участников хозяйственных обществ; 3) ограничение круга ничтожных сделок, смещение акцента на оспоримость сделок, когда лишение их юридической силы зависит от частной воли участников правоотношения.

По целому ряду вопросов предлагается уже сточение регулирования, придание ему большей

императивности. Во-первых, в вещном праве предполагается создание системы регулирования, в которой свобода усмотрения сторон ограничивается в интересах стабильности оборота и предсказуемости принадлежности правовых благ. Во-вторых, в корпоративном праве предлагается ужесточить требования к регистрации юридических лиц, требования к видам и размеру вкладов в уставный капитал, допустить использование корпоративных форм, ограничивающих ответственность учредителя по долгам юридического лица, лишь при условии существенного вклада учредителя в уставный капитал.

9. *Упорядочение системы гражданского законодательства*: 1) отказаться от «трехуровневой» системы гражданских законов; 2) создать «прослойку» в виде законов общего характера (о реорганизации юридических лиц, о собственности и т.п.); 3) сократить число законов об отдельных видах юридических лиц путем консолидации ряда таких законов (законов об АО и об ООО, законов о кооперативах) или даже полной отмены некоторых законов с перенесением отдельных норм в ГК (многие законы о некоммерческих организациях); 4) упорядочить образовавшееся в законодательстве нагромождение плохо согласованных норм о залоге; 5) внести существенные исправления на уровне «юридической азбуки» в законодательстве о железнодорожном и внутреннем водном транспорте.

10. *Совершенствование гражданского законодательства путем четкости и ясности используемых правовых конструкций*: 1) упразднить конструкцию ЗАО; 2) установить исчерпывающий перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций; 3) провести анализ и коррекцию таких организационно-правовых форм юридических лиц, как «госкорпорация» и «госкомпания».

Соглашаясь в принципе со многими предложениями, изложенными в Концепции по вопросам совершенствования законодательства, следует все же отметить, что ряд ее положений носит дискуссионный характер и нуждается в уточнении.

Прежде всего, спорный характер на наш взгляд, несет расширение круга отношений регулируемых гражданским законодательством путем включения в его предмет корпоративных отношений.

Природа корпоративных отношений далеко не однозначна. В специальной литературе содержатся две диаметрально противоположные позиции

относительно природы данных отношений. Согласно первой из них корпоративные отношения следует отнести к гражданским правоотношениям (Е.А. Суханов, Д.В. Ломакин, В.А. Белов, Е.В. Пестерева, И.Н. Шабунова, Н.Н. Пахомова) [13, с. 29, 30; 14, с. 52, 53; 15, с. 125; 16, с. 14; 17, с. 42; 18, с. 58]. С точки зрения второй концепции, корпоративные отношения не могут быть отнесены к гражданским правоотношениям (Л.И. Петражицкий, А.И. Каминка, Е.П. Губин, П.Г. Лахно) [19, с. 25–26; 20, с. 395–398; 21, с. 50].

Сравнивая имеющиеся точки зрения по рассматриваемому вопросу, нельзя не заметить, что нет единого мнения о том, к какой группе гражданско-правовых отношений необходимо их отнести. Наиболее традиционно мнение об имущественной природе корпоративных отношений (Е.А. Суханов, И.Н. Шабунова) [13, с. 29, 30; 17, с. 49]. Некоторые ученые (С.Н. Братусь, Е.Н. Гендзехадзе) [22, с. 74; 23, с. 57] причисляют корпоративные отношения к личным неимущественным отношениям. В то же время Д.В. Ломакин, В.А. Рахмилович, А.М. Эрделевский полагают, что корпоративные отношения являются не личными, но неимущественными [24, с. 58–64; 25, с. 57; 26, с. 70–72]. Отдельные исследователи выделяют в отдельную группу организационных прав неимущественные права участников корпоративных организаций, связанные с участием в управлении [27, с. 12–16; 28, с. 13; 29]. Другие соединяют несколько концепций и трактуют корпоративные отношения как комплексные – имущественные и связанные с ними неимущественные (организационные) – отношения [17, с. 40; 18, с. 56].

На наш взгляд, корпоративные отношения относятся к организационным. Несмотря на различные подходы к организационным отношениям, бесспорным является то, что содержание Гражданского кодекса позволяет убедиться в том, что организационные отношения – значительная по объему и вполне самостоятельная по значимости составляющая в предмете гражданского права. И, как справедливо отмечает В.В. Ровный, что обращение к Кодексу позволяет выделить основные группы организационных (в том числе корпоративных и процедурных) отношений [30, с. 23].

Неоднозначным представляется институт вины при заключении договора (*culpa in contrahendo*) или ведении недобросовестных переговоров.

Безусловно, в ходе переговоров о заключении договора стороны обычно несут определенные затраты, и его незаключение ввиду отказа предполагаемого контрагента может влечь имущественные потери. Законодательство и судебная практика ряда стран допускают возложение на недобросовестную сторону потерь, понесенных другой стороной вследствие необоснованного отказа от заключения договора [31].

Однако еще основоположником данной теории Р. фон Иерингом были разработаны основания преддоговорной ответственности и выделены определенные подвиды: а) невозможность заключения договора одной из сторон; б) невозможность исполнить договор; в) порок воли сторон(ы) при заключении договора. Со временем, в связи с активизацией и усложнением торгового оборота, концепция преддоговорной ответственности была расширена и стала применяться, в частности, к случаям, когда виновное поведение одной из сторон привело к незаключению договора. Так, известный французский правовед Р. Салейль в начале XX в. предложил использовать принцип добросовестности и вытекающую из его нарушения преддоговорную ответственность применительно ко всему преддоговорному процессу [32].

Введение данного института, на наш взгляд, должно сопровождаться детальным урегулированием (например, перечисление случаев недобросовестного поведения), либо толкование добросовестности будет зависеть от суда и от конкретных обстоятельств дела. Однако еще С.А. Муромцевым отмечалось, что вычисление отрицательного интереса может встретить на практике затруднения, где отрицательный интерес – это «сколько потерял пострадавший именно оттого, что *ложно* (выд. авт.) рассчитывал на осуществление несуществующего договора (*quod interfuit eius ne decipretur*)», а обязанность платить будет основана «на существенной ошибке со стороны лица, впавшего в нее... некоторую провинность (*culpa in contrahendo*), без которой сама ошибка была бы немыслима» [33].

Таким образом, представляется дискуссионным выделение авторами Концепции обязательств, возникающих из преддоговорных контактов сторон, и введение «преддоговорной» ответственности. В данном случае необходимо иметь в виду, что законченного обязательственного правоотношения

только из оферты не возникает, поскольку еще нет совпадения воли будущих сторон договора.

Следует отметить, что не вызывает сомнения необходимость генезиса принципов гражданского права. В юридической литературе делается вывод о том, что такое развитие связано с областью правосознания, с концентрацией наиболее актуальных для определенного периода времени идей, приоритетов, выраженных в освоенных теорией догмах. А реальное конкретное проявление этих принципов лежит в сфере осуществления прав, особенностей построения и функционирования механизмов правоосуществления и правового регулирования отношений [34].

Однако правоприменение принципов, как справедливо отмечено О.А. Поротиковой, «при высоком уровне правовой культуры правоприменителя это может быть оценено как положительное явление, а при недостаточности у него опыта и знаний превращается в произвол» [35].

Для обоснования целесообразности введения в российское законодательство категории «добросовестность» недостаточно одних лишь призывов к нравственности в имущественных отношениях [36]. Анализ ст. ст. 157, 220, 234, 302, 303, 1109 ГК, в которых говорится о недобросовестности участников гражданских правоотношений, приводит к выводу, что лицо следует считать добросовестным в том случае, когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда. Такое определение следует из содержания ст. 302 ГК, согласно которой добросовестным приобретателем является лицо, «которое не знало и не могло знать о том, что приобретает имущество у лица, не имеющего права его отчуждать».

Германский аналог нашей концепции добросовестности – концепция добросовестного исполнения обязательства: должник обязан действовать добросовестно, как того требуют обычаи гражданского оборота (§ 242 Германского гражданского уложения – ГГУ). Используемое здесь понятие «добросовестно» происходит из двух немецких понятий: *Treue* (верность) и *Glaube* (доверие). Его смысл заключается не совсем в том, что каждый должен действовать в соответствии с «доброй совестью», то есть правильно и порядочно выполняя возложенные на него

обязанности. Такая бы конструкция сама по себе ничего не принесла. Концепция добросовестного исполнения обязательств заключается несколько в другом: должник должен осуществлять свои действия с учетом интересов другой стороны, а другая сторона должна быть уверена в «добросовестных» правоотношениях, где будет запрещено любое злоупотребление правом. То есть, речь идет не столько о понимании «добросовестности» как добросовестном выполнении своих обязанностей, сколько о действии на взаимном доверии [37].

Как уже отмечалось, российский законодатель понимает добросовестность как субъективное состояние лица, которое не знает и не может (не должно) знать о факте, знание которого с точки зрения закона делает поведение лица неправомерным. Для констатации знания о факте или отсутствия такового (незнания) не нужно заглядывать в духовный мир лица, а достаточно исследования фактических обстоятельств, в которых он совершал юридически значимое действие. Представляется вполне справедливым высказывание о том, что добросовестность как критерий оценки поведения субъекта, осуществляющего право, есть категория этически безразличная, не несущая нравственной нагрузки [38].

Значительное место в Концепции уделяется такому объекту гражданских правоотношений, как ценные бумаги.

С одной стороны, ценная бумага является документом, из факта предъявления которого вытекает удостоверение определенных прав держателя бумаги по отношению к тому, кто ее выпустил (эмитенту). С другой – на саму ценную бумагу к ее держателю любыми другими лицами могут быть предъявлены права как на имущество, объект вещных прав и различных обязательственных, в том числе договорных правоотношений. Таким образом, можно говорить как о правах, вытекающих из факта предъявления ценной бумаги, так и о правах на саму ценную бумагу как такой же объект вещных прав, как и все другие [39, с. 11–12].

Способность ценных бумаг превратить выражаемые ими права в имущество, попадающее в гражданский оборот, позволяет придать экономическим отношениям мобильность и гибкость. Объем отношений между хозяйствующими субъектами, оформляемый ценными бумагами, постоянно расширяется. Указанная тенденция получила

название «секьюритизация», которое можно перевести как «оценобумаживание» [40, с. 68].

Логический парадокс существования «прав на право», связанный с тем, что ценная бумага одновременно способна выражать гражданско-правовые отношения и быть их объектом, не воспринимается остро в отношении ценной бумаги в форме бумажного документа, придающего ей внешние признаки вещи, представляющего «право на право» как «право на вещь».

Достаточно спорным представляется введение в гражданское законодательство норм, связанных с финансовыми операциями и, в частности, секьюритизация¹ [51]. Трудно согласиться с предложением, изложенным в Концепции относительно секьюритизации только прав (требований) по ипотечным кредитам и невозможности секьюритизации иных финансовых активов. Данная позиция не соответствует общемировым тенденциям развития.

Сам по себе принцип, положенный в основу секьюритизации, чрезвычайно прост. В истории финансовой индустрии он достаточно часто применялся в некоторых областях. Ипотечные банки уже столетия рефинансируют свои ипотечные кредиты на рынке капиталов с помощью закладных.

Под секьюритизацией понимаются действия, направленные на принятие прямо или опосредованно рисков, связанных с правами требования, иными активами, деятельностью (видами деятельности) третьих лиц и выпуском ценных бумаг, стоимость и доходность которых зависят от указанных рисков.

В Концепции указывается на необходимость разработки системы мер, направленных на повышение устойчивости и прозрачности рынка ценных бумаг, выпускаемых в процессе секьюритизации, пересмотр стандартов бухгалтерской отчетности и т.д. Однако данный вопрос уже имеет нормативное регулирование [41].

В заключение отметим, как указывается в Концепции, при ее реализации все вытекающие из нее шаги по изменению ГК и других актов гражданского законодательства должны делаться таким образом, чтобы не создавать для участников гражданского оборота неоправданных препятствий и трудностей в их деятельности, осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей.

¹ Так, например, Н.Г. Семилотина под секьюритизацией понимает превращение задолженности в ценные бумаги – облигации, обращающиеся на международном финансовом рынке.

Список литературы

1. Кулаков В.В. К концепции совершенствования общих положений обязательственного права России // Законодательство. – 2009. – № 6.
2. Нуждин Т.А. О совершенствовании гражданского законодательства о юридических лицах // Право и экономика. – 2009. – № 6.
3. Шишкин Д.А. Проблема совершенствования правового регулирования институтов исключительных прав на фирменные наименования и коммерческие обозначения в правовой науке и гражданском законодательстве // Российская юстиция. – 2006. – № 12.
4. Мозолин В.П. Развитие гражданского законодательства на современном этапе (дискуссионные проблемы) // Журнал российского права. – 2005. – № 7.
5. Герасин С.И. О концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе (Материалы заседания ученого совета ИПП РАН) // Государство и право. – 2005. – № 2.
6. Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. – М.: Юстицинформ, 2008.
7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. – URL: <http://www.privlaw.ru>. Подготовлена на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2008. – 23 июля. – № 155.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1960.
9. Ст. 257 п. 2 Налогового кодекса Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
10. Иванов А.Л. О путях повышения эффективности правосудия // Журнал Российского права. – 2005. – № 12.
11. Сметанников А.Е. Судебное разбирательство в век высоких технологий // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 9.
12. Бондарь Н.С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал российского права. – 2005. – № 11.
13. Гражданское право / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. – М.: БЕК, 1998.
14. Ломакин Д.В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. – 2004. – № 5.
15. Белов В.А., Пестерева Е.В. Хозяйственные общества. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002.
16. Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. – М.: Спарк, 1997.
17. Шабунова И.Н. Корпоративные отношения как предмет гражданского права // Журнал российского права. – 2004. – № 2. – С. 42.
18. Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений: Правовой аспект. – Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2004. – С. 58.
19. Петражицкий Л.И. Акции. Биржевая игра и теория экономических кризисов. Т. 1. – СПб., 1911. – С. 25–26.
20. Каминка А.И. Очерки торгового права. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002.
21. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лажно. – М.: Юрист, 2003.
22. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Юрид. лит., 1963.
23. Гендзехадзе Е.Н. Жилищностроительные кооперативы в городе и селе. – М., 1976. – С. 57.
24. Ломакин Д.В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. – 2004. – № 5. – С. 58–64.
25. Гражданское право России: курс лекций. Ч. 1 / под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юрид. лит., 1996. – С. 57.
26. Эрделевский А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право. – 1997. – № 6. – С. 70, 72.
27. Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. Т. 1. – М., 1985. – С. 12–16.
28. Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 13.
29. Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
30. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – С. 23.
31. Овчинникова К.Д. Преддоговорная ответственность // Законодательство. – 2004. – № 3, 4.
32. Кучер А.Н. Ответственность за недобросовестное поведение при заключении договора // Законодательство. – 2002. – № 10.
33. Муромцев С. А. Гражданское право древнего Рима. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1883.
34. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Российская акад. наук, Ин-т государства и права. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
35. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
36. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами // СПС «Гарант».
37. Калинина И. Концепция добросовестности. Практика ее применения // Двойная запись. – 2006. – № 1.
38. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
39. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. – М.: Финстатинформ, 1993.
40. Алексеев М. Депозитарная деятельность // Рынок ценных бумаг. – 1997. – № 24.
41. О результатах совещания: Письмо ЦБР от 15 января 2009 г. № 01-15-1\104. – URL: <http://www.arb.ru>

В редакцию материал поступил 30.11.10

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, гражданское законодательство, унификация, корпоративные отношения, принцип преддоговорной ответственности, ценные бумаги, обращение ценных бумаг.